

Чжун Мин нахмурился. Он уже собирался что-то объяснить, но Цзян Синчжи опередил его:

— Но ты будто даже больше меня тревожишься о делах секты Коу Юэ. Неужели твой враг там?

Разговор замер. Пара чёрных, как бездонные колодцы, глаз медленно повернулась к нему.

— Возможно.

Ответ был туманным. Такой лёгкостью в голосе не поделишься, если сердце разрывает ненависть. Даже у Цзян Синчжи, привыкшего ко всем странностям мира, внутри дрогнуло: если это такая глубокая кровная вражда, почему он говорит об этом с такой прохладной неопределённостью?

Но дальше расспрашивать он не стал. Их связывала пока что лишь хрупкая нить недолгого пути, а не доверие старых друзей. Вместо этого он воспользовался тишиной и уединением кареты, и достал передаточный камень чтобы отправить сообщение Чжу Яню, который остался на окраине Сюньяна.

Суть была проста: «Ушёл из Сюньяна. Если возникнут срочные дела - заранее пошли весть. Дальняя вода не потушит ближний пожар».

В тесной карете, где были только они двое, он не скрывал своего действия. Передача мыслей через камень - вещь быстрая, почти невидимая. Но стоило ему убрать его, как из-за противоположного сиденья донёлся тихий, будто вырвавшийся сам по себе, голос:

— Ты о нём заботишься... довольно сильно?

Цзян Синчжи положил камень в сумку, слегка улыбнулся:

— Ну, он второй человек, которого я встретил после возвращения в цзянху. Раз уж судьба свела нас, то уж стоит довести дело до конца. Помогу, чем смогу.

Чжун Мин скрестил руки на груди и коротко фыркнул ... ни насмешливо, ни одобрительно, а аристо... с оттенком чего-то, что нельзя назвать.

Цзян Синчжи несколько раз внимательно посмотрел на него. И вдруг почти игриво, широко улыбнулся:

— Брат Бай... а ты будто ревнуешь.

Сказано было легко и шутливо, но он заранее приготовился к холодному ответу, к едкой

насмешке, к тому, как тот в следующее мгновение разобьёт его слова вдребезги. Уже продумывал ответ, как парировать выпад.

Но... ничего не последовало.

Прошла одна секунда. Потом вторая. Карета катилась по ровной брусчатке, а ответа так и не было.

Цзян Синчжи: ...

Он уставился на Чжун Мина.

Почему молчишь? Скажи хоть что-нибудь!

Тишина длилась ещё несколько вздохов. А потом, внезапно, в воздухе прозвучал лёгкий смех. Не громкий, как издёвка, а скорее, словно кто-то впервые за долгое время позволил себе улыбнуться.

Цзян Синчжи поднял глаза.

Чжун Мин смотрел на него. Губы его были чуть изогнуты, а в глазах горела не ярость, не холод, а что-то тёплое, почти... довольное.

— Неловко стало? — с улыбкой спросил он.

— .....

Цзян Синчжи медленно вдохнул. Кулаки сжались. Не от злости. А от того, что впервые за очень долгое время он почувствовал тепло. И не знал, что с этим делать.

***

Вскоре карета мягко затормозила, слегка покачнувшись. Они прибыли. Перед ними раскинулся родовый дом семьи Шан.

Город и сам по себе был богат и оживлён, но особняк семьи Шан открыл совершенно иной уровень роскоши - тот, что доступен лишь тем, кто держит в руках не просто деньги, а власть над судьбами.

Резные балки, расписанные стропила, столбы цвета королевской крови с вычурной резьбой, каждый элемент говорил, что здесь живут не просто богатые люди, здесь живут те, кто привык

к поклонению. Цзян Синчжи шёл по широкому коридору, и по обе стороны от него плыли служанки в полупрозрачных шёлках и парчовых халатах с узорами облаков. Лёгкие шаги, тихие голоса - казалось, будто он проходит сквозь небесный путь, окружённый феями.

Он указал на их простую одежду:

— Посмотри, — сказал он Чжун Мину, — мы же выглядим как охранники?

Чжун Мин бросил взгляд на его бледное, изящное лицо, на которое даже тень суровости ложилась с трудом:

— Ты не похож на охранника. Ты больше похож на камердинера.

Цзян Синчжи: ...

Прежде чем он успел ответить, впереди раздался ясный, звонкий смех. И сразу же создавал впечатление доброжелательности, открытости.

— Наши почётные гости шутят! — произнёс голос. — В нашем доме лишь жалкие мирские вещи. Что это перед теми сокровищами, что вы видели на Небесах? А вот ваш визит - истинная честь для нашего скромного семейства.

Цзян Синчжи обернулся.

Перед главным залом стоял мужчина в изысканной одежде, с благородной осанкой, будто рождённый для власти. Черты лица были правильные, спокойные, а ци, исходящая от него, была глубокой и плотной. Он был на поздней стадии Зарождения Души.

Без сомнений - один из тех «уважаемых старейшин», что правят за кулисами.

Служанки и Ху Линь, шедший впереди, немедленно поклонились:

— Глава семьи!

Шан Лусин вежливо кивнул, затем лично двинулся навстречу, чтобы поприветствовать гостей.

— Я - Шан Лусин. Позвольте узнать, как мне обращаться к вам, почтенные старшие?

Это слово «старший» после всех перипетий почти заставило волосы Цзян Синчжи встать дыбом. Он едва сдержался, чтобы не вскрикнуть: «Я не настолько древний!»

— Моя фамилия Цзян. — Быстро представился он — Глава Шан может называть меня как пожелает.

Шан Лусин мгновенно воспользовался возможностью:

— Брат Цзян, — сказал он тёплым, почти дружеским тоном.

Чжун Мин бросил на них короткий взгляд.

Тогда Шан Лусин обратился к нему:

— А как мне обращаться к этому уважаемому старшему?

— Бай, — кратко ответил Чжун Мин.

Поскольку он не добавил «как пожелаете», Шан Лусин учтиво сказал:

— Уважаемый старший Бай.

Цзян Синчжи тут же подхватил:

— Уважаемый старший Бай.

Чжун Мин: ...

Но, заметив паузу, добавил:

— Обращайтесь, как сочтёте нужным.

Трое расположились за столом. Служанки подали чай - редчайший «Изы Сяньчжэнь», «Серебряные иглы Нефритового Дракона», чьи листья плавали в воде, как живые.

Белый пар поднимался, закручиваясь в воздухе. Шан Лусин глубоко вздохнул, будто бы взвешивая каждое слово:

— Я расследовал случившееся. Это были мои люди... соблазнились жадностью. Искренне приношу свои извинения за этот проступок.

Говорил он с такой искренностью, с таким сожалением, будто сам был жертвой предательства.

Цзян Синчжи сделал глоток горячего чая:

— Мм.

— Я хотел бы возместить ущерб, — продолжил Шан Лусин. — Если это деньги или сокровища - в доме Шан им нет недостатка. Если же есть другие желания, то я сделаю всё возможное, чтобы исполнить.

Цзян Синчжи молчал. Но Чжун Мин вдруг задал вопрос:

— Другие желания? Например?

Его лицо было холодным, красивым, как высеченный из камня портрет. Голос звучал без улыбки или намёка на игривость. Когда он поднял глаза, в них сверкнула острая грань, как прямой удар в самую сердцевину подготовленной речи Шан Лусина.

Тот на мгновение замешкался, но понял, что ходить вокруг да около больше не получится.

— Например, — сказал он напрямик, — банкет секты Коу Юэ. Хотели бы вы посетить его вместе с нами?

Цзян Синчжи медленно провёл пальцем по гладкому краю фарфоровой чашки.

Умён, — подумал он. — Очень умён.

Конечно, Шан Лусин уже получил доклад от Тин У и других. Конечно, он понял, что эти двое пришли не просто так. Его извинения - не каение, а начало союза. Только вот когда он принял это решение? После того, как Ху Линь доложил? Или ещё раньше, в тот самый момент, когда услышал имя «Цзян Синчжи»?

Иначе зачем было устраивать такое масштабное расследование ради трёх культиваторов?

Пока Цзян Синчжи молча размышлял, уверенная улыбка Шан Лусина дрогнула. Он собрался с духом и ждал.

— Пожалуй... я действительно немного заинтересован. — Наконец кивнул Цзян Синчжи.

Шан Лусин едва сдержался, чтобы не выдать своё облегчение. «Немного» заинтересован?.. Да это же решительнее любого «да»!

Он тихо вдохнул:

— Прекрасно, что брат Цзян проявляет интерес... Кстати, проверяя записи с моими управляющими, я обнаружил кое-что любопытное.

С этими словами он достал из рукава бумажный договор. Ресницы Цзян Синчжи чуть дрогнули.

То, что не мог разгадать простой лавочник, для такого проницательного человека, как Шан Лусин, было ясно с первого взгляда.

И точно, следующим словом он развеял последние сомнения:

— Ничего серьёзного, конечно. Но если брату Цзяну будет полезен мой лавочник — пусть остаётся в вашем распоряжении.

Любой другой на его месте давно бы сгорел от стыда, что схема раскрыта прямо за столом. Но Цзян Синчжи был человеком с толстой кожей.

— Отлично. — Просто кивнул он.

Улыбка Шан Лусина снова дрогнула.

В тишине, повисшей между тремя мужчинами, раздался тихий «тук» - Чжун Мин поставил чашку.

— На банкет секты Коу Юэ через два дня, — спросил он ровно, — под каким титулом, глава Шан, вы планируете нас представить?

Вернувшись к делу, Шан Лусин лёгка кашлянул:

— Если брат Бай и брат Цзян не против, наша семья будет счастлива принять вас как дорогих гостей, под титулом почётных старейшин.

В глазах Чжун Мина мелькнул тёмный отблеск.

Такое положение — означало глубокую связь. Означало, что они теперь в одной лодке. Возможно, именно к этому и стремилась семья Шан с самого начала.

Но для участия в банкете простого статуса «гостей» было недостаточно...

— Это, пожалуй, не совсем уместно, — вдруг сказал Цзян Синчжи. — Мы уже получили столь великую милость от главы Шан. Как мы можем позволить себе быть «почётными старейшинами»? День за днём праздновать, пировать в этом роскошном дворце, занимать место

выше других, есть и пить за чужой счёт, ничего не делая...

Чжун Мин: ...

Шан Лусин: ...

Описание было чересчур конкретным, будто он уже заранее прописал сценарий жизни «почётного старейшины».

Даже Шан Лусин, который так настойчиво стремился к союзу, на мгновение усомнился в своём решении:

— Тогда... какие у вас предложения, брат Цзян?

— Не смею называть это предложением, — Цзян Синчжи медленно поднял глаза. — Просто у меня есть свои планы.

Его взгляд скользнул по хрустальной лампе на столе.

Шан Лусин, проживший десятилетия в мире торговли, где каждая деталь - сигнал, почувствовал внезапную дрожь в сердце. Без причины. Без объяснения. Но его инстинкт уже кричал «Будь осторожен»

— Позвольте спросить... какие именно?

Цзян Синчжи улыбнулся. В глазах его горела уверенность, как у человека, уже видевшего будущее.

— Не беспокойтесь. Всё под контролем. Я гарантирую, что в день банкета семья Шан затмит всех. Вы станете самым ярким светом в этой ночи.

<http://bllate.org/book/15487/1373246>